

A man and a woman are standing in a grand, ornate room, likely a palace or a grand ballroom. The man is on the left, wearing a white dress shirt, dark suspenders, and dark trousers. He is looking towards the woman. The woman is on the right, wearing a long, strapless, floor-length gown with intricate lace and sequin detailing. She is also looking towards the man. The room features high ceilings, large windows, and ornate golden decorations. The floor is made of patterned tiles.

Белые ночи Петербурга

Радик Яхин

Радик Сайфетдинович Яхин

Белые ночи Петербурга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73139588

SelfPub; 2026

Аннотация

Позвольте себе окунуться в трогательную историю о поиске и открытии. Это история о человеке, чье сердце было заперто от мира, и о том, кто смог найти к нему ключ. История о доверии, уязвимости и силе любви, способной растопить самые крепкие стены и подарить истинное счастье.

Радик Яхин

Белые ночи Петербурга

Летняя ночь без сна

Первая встреча на мосту над Фонтанкой

Ночь не собиралась наступать. Вместо тьмы над Петербургом повисло молочное сияние, размывающее границы между днём и ночью, между реальностью и сном. Город дышал тихо, сонно, и только вода в Фонтанке, тёмная и неподвижная, хранила отблески неспящего неба. На Аничковом мосту, прислонившись к гранитному парапету, стоял Иван. Он смотрел на воду и не видел её, его мысли были далеко – в лаборатории, где остались незавершённые расчёты, в тишине кабинета, где цифры выстраивались в стройные, но бездушные ряды. Он пришёл сюда, чтобы перевести дух, чтобы убежать от формул, которые вдруг перестали давать ответы. Его пальцы нервно постукивали по холодному камню. И в этот миг он услышал смех. Лёгкий, серебристый, будто звон хрустального бокала. Он обернулся. На другом конце моста, у бронзового коня, остановилась девушка. Ветер играл полами её лёгкого песочного пальто и вздымал тёмные, почти чёрные волосы. Она что-то рисовала в небольшом альбоме, быстро водя карандашом, а затем подняла глаза и встрети-

лась с его взглядом. Время остановилось. Белая ночь, казалось, сгустилась вокруг них, создав из воздуха и света маленький изолированный мир. Она не отвела взгляда. И он не смог. Он видел, как в её серых, больших глазах отразилось бледное небо, и ему вдруг показалось, что он видит в них все те ответы, которые тщетно искал в своих уравнениях. Она медленно закрыла альбом и сделала шаг в его сторону. Он неосознанно повторил это движение. Расстояние между ними сокращалось с каждой секундой, которую отмеряло тиканье невидимых часов. Они остановились в двух шагах друг от друга. «Извините, – сказала она, и её голос звучал как продолжение того смеха, – вы так смотрите, будто видели призрак. Я не призрак. Я Анна». Иван попытался что-то сказать, но слова застряли где-то в горле. Он только покачал головой. «Нет, – наконец выдавил он. – Просто... я думал, что в такую ночь на мосту можно встретить только скучающих туристов или одиноких философов». «А кто вы? – спросила Анна, и в уголках её губ заплясала улыбка. – Турист или философ?» «Учёный, – честно ответил Иван. – Сбежавший от своих молекул». «Художница, – сказала она. – Ищущая свою музу». Они снова замолчали, но это молчание уже не было неловким. Оно было наполнено тихим гулом города, плеском воды под мостом и биением двух сердец, внезапно попавших в необъяснимый ритм. «Покажите?» – вдруг попросил Иван, кивнув на альбом. Анна на мгновение задумалась, потом открыла его на последней странице. На бума-

ге углём был стремительно набросан силуэт мужчины у парапета, его профиль, обращённый к воде, и весь мост, уходящий в перспективу белой ночи. Это был он. «Вы рисуете быстро», – заметил Иван, поражённый. «Когда есть что рисовать», – просто сказала она. И в этот момент с Невы потянул свежий ветер, закрутил в воздухе бумажную обёртку и донёс далёкий звук джаза, вероятно, с набережной. «Вы куда-то спешите?» – спросила Анна. «Нет, – сказал Иван. И это была самая чистая правда, которую он произнёс за последние годы. – А вы?» «Я тоже нет», – ответила она. Они стояли друг напротив друга на мосту, который соединял не только два берега реки, но и, как показалось потом, два разных мира, две разные жизни, две одинокие души, случайно нашедшие друг друга в свете незаходящего солнца. Город вокруг них замер в ожидании. Белая ночь была в самом разгаре.

Иван проснулся поздно, что было для него неслыханной редкостью. Лучи июньского солнца, пробиваясь сквозь щели в старых деревянных ставнях, рисовали на потолке его квартиры на Петроградской полосы света, полные медленно танцующей пыли. Он лежал и смотрел в потолок, и в голове его с неумолимой чёткостью стоял образ: серые глаза, тёмные волосы, развеваемые ветром, и лёгкая улыбка, которая, казалось, меняла всё вокруг. «Анна», – прошептал он, пробуя это имя на вкус. Оно звучало как стих, как аккорд. Он, человек, привыкший доверять только фактам и логике, всю

ночь провёл в странном полусне, где цифры смешивались с тенями, а формула, которую он пытался вывести, неожиданно обрела её черты. Он встал, подошёл к окну, распахнул его. В квартиру ворвался тёплый воздух, запах нагретого асфальта и акации. Город жил своей обычной жизнью. Но для Ивана он уже не был прежним. Каждая деталь – крик чайки над крышей, звон трамвая на Большом проспекте – казалась теперь частью той странной, невероятной ночи. Он вспомнил, как они простояли на мосту, кажется, целую вечность, разговаривая обо всём и ни о чём. О любимых местах в городе, о книгах, о музыке. Он, обычно скупой на слова, говорил легко и свободно, словно оттаивал после долгой зимы. Она рассказывала о своей мастерской на Васильевском острове, о выставке, которую готовила, о том, как любит ранние утра, когда свет особенно чистый и ложится на предметы под магическим углом. Они обменялись телефонами в конце, и эта бумажка с номером сейчас лежала на его столе рядом с научными журналами, как самый важный документ. Иван поймал себя на мысли, что ждёт. Просто ждёт, когда зазвонит телефон. И эта пассивность была ему несвойственна. Он всегда был инициатором, всегда действовал по плану. Сейчас же он позволил себе просто существовать в этом ожидании. Он заварил кофе, сел за стол, попытался открыть статью, но строки расплывались. Вместо формул он видел её лицо. Внезапно его телефон завибрировал. Сердце ёкнуло. Но это был коллега из института. Иван с облегчением и од-

новременно с разочарованием ответил, договорился о встрече на завтра, отключился. Он должен был работать. Он взял ручку и попытался сосредоточиться. На чистом листе бумаги, поверх чертежа, его рука сама вывела: «Анна. Мост. Белая ночь». Он отшвырнул ручку. Логика говорила ему, что это была просто мимолётная романтическая встреча, красивое совпадение, которое случается в Петербурге в июне. Но что-то глубоко внутри, не подчиняющееся логике, настаивало: это важно. Это не случайность.

Анна в своей мастерской, залитой утренним светом, стояла перед мольбертом. На холсте был углём намечен эскиз – силуэты на фоне разведённого моста и бледного неба. Но что-то не шло. Она отложила уголь, отошла, выпила глоток холодного чая. Её мысли были там, на набережной Фонтанки. Иван. Строгий, немного замкнутый, с умными, внимательными глазами, в которых она прочла ту же тоску по чему-то большему, что жила и в ней. Он был учёным. Физиком, кажется. Мир, абсолютно чуждый ей, мир абстракций и строгих законов. И всё же, когда он говорил о своей работе, его глаза загорались, и она понимала этот огонь. Это был тот же огонь, что горел в ней, когда она находила верный мазок, точную линию. Они говорили на разных языках, но о одном и том же – о поиске истины, красоты, гармонии. Анна взяла телефон, нашла новый контакт «Иван». Палец замер над экраном. Она не была из тех, кто ждёт. Она была из

тех, кто действует. Но сейчас её охватила странная робость. А вдруг он уже пожалел о том, что дал номер? Вдруг для него это была просто вежливость? Она посмотрела на свой эскиз. И решила. Она не стала звонить. Она набрала сообщение. Короткое, простое, без эмоций. «Доброе утро. Это Анна. Сегодня прекрасный свет для прогулки в Летнем саду. Если вы не против компании». Она отправила и поставила телефон экраном вниз, как будто боялась увидеть ответ. Потом с силой взяла уголь и стала водить им по бумаге, пытаюсь заглушить это нелепое волнение. Через пять минут телефон завибрировал. Она медленно перевернула его. «Доброе утро, Анна. Свет действительно прекрасный. И компания тоже. Во сколько и где встретимся?» Анна улыбнулась своему отражению в зеркале напротив. Мир снова обрёл яркие краски. Она ответила и бросилась собираться, вдруг с нежностью рассматривая свои платья и думая о том, что наденет. Утро после встречи было наполнено тихой, сладкой тревогой и предвкушением, которое окрашивало самый обычный день в золотые тона.

Они встретились у входа в Летний сад, у решётки, вязью чугунных цветов и листьев отгораживающей тишину аллеи от шума города. Иван, увидев её в лёгком синем платье, с соломенной сумкой через плечо, почувствовал, как что-то перевернулось у него внутри. Она была воплощением этого летнего дня – лёгкая, светлая, улыбчивая. «Вы пришли», –

сказала она, и в этом не было вопроса, было констатация счастливого факта. «Я пришёл», – кивнул он. Они вошли в сад. Тень вековых лип была густой и прохладной. Они шли по гравиевым дорожкам, мимо белоснежных мраморных статуй, которые, казалось, наблюдали за ними с молчаливым одобрением. Говорили о пустяках: о запахе скошенной травы, о смешной позе спящего на солнце спаниеля, о том, как здорово, что фонтаны снова работают. Но за этими словами шёл другой, более важный разговор – взглядами, жестами, паузами. Иван рассказывал историю сада, ссылаясь на даты и имена архитекторов, и Анна слушала его, удивляясь, как он, человек точных наук, так хорошо знает историю. «Мой дед был историком, – объяснил Иван. – Он водил меня по этим аллеям и рассказывал сказки, которые оказывались правдой. Наверное, с тех пор Петербург для меня – это не просто город, это живая книга». «А для меня – бесконечный альбом, – сказала Анна. – Каждый угол, каждый фасад, каждый отражённый в воде свет – это готовый сюжет. Вот смотрите». Она остановилась у канала, достала из сумки маленький блокнот и быстрыми штрихами набросала вид на Карпиев пруд с одинокой гондолой у причала. Иван смотрел, как под её пальцами рождается мир – не копия, а ощущение, атмосфера места. Это было волшебство. После сада они пошли на Петропавловку, пересекли Неву по Иоанновскому мосту, и Анна показала ему свой любимый вид на Зимний с воды – суровый и величественный. Они ели мороженое в ка-

фе на Кронверкском проспекте, и Иван смеялся, увидев, как у Анны осталось сладкое пятно на щеке. Он не сдержался и стёр его салфеткой. Коснувшись её кожи, он обжётся. Она замолчала, посмотрела на него, и в её глазах промелькнуло что-то серьёзное, взрослое. Этот день стал первым в череде многих. Они бродили по Эрмитажу, и Иван, к своему удивлению, обнаружил, что может часами слушать её рассказы о Рембрандте и Матиссе, о свете и композиции. Она же с интересом вникала в его объяснения устройства планетария или принципов работы разводных мостов. Они открывали город заново, друг через друга. Он показал ей тайный дворик у Фонтанки, где сохранилась брусчатка XVIII века, а она привела его в крошечную кофейню на Литейном, где готовили лучший раф в городе. Они поднимались на колоннаду Исаакия под вечер, и оттуда, с высоты, Петербург казался игрушечным, розовым от заката, и бесконечно родным. В эти дни стирались границы. Он начинал замечать красоту в изгибе линии, она – логику в построении пространства. Они говорили, спорили, смеялись. Как-то раз, сидя на ступенях у Медного всадника, Анна спросила: «Иван, вы верите в судьбу?» Он, всегда скептик, хотел ответить «нет», но посмотрел на её профиль, освещённый заходящим солнцем, и сказал: «Я верю в вероятности. И вероятность нашей встречи в тот вечер на мосту была исчезающе мала. С точки зрения науки, это почти чудо». «Значит, чудо возможно», – тихо сказала она. Он взял её руку. Она не отняла. Их пальцы сплелись

естественно, как будто искали друг друга всегда. Так, гуляя по Петербургу, они начали прогулку друг в друге, открывая незнакомые континенты чувств и мыслей. Город становился соучастником их романа, его декорации менялись, но неизменным оставалось одно – растущее, крепнущее с каждым днём чувство, которое уже нельзя было назвать простой симпатией или увлечением. Оно было глубже. Оно требовало названия, но они пока боялись его произнести.

Дождь застал их врасплох на Васильевском острове, когда они гуляли по тихим, пустынным линиям. Крупные тяжёлые капли, редкие в начале, быстро превратились в сплошную серую пелену. «Бежим!» – крикнула Анна и потянула его за собой в подъезд одного из старинных домов. Они влетели внутрь, смеясь и отряхиваясь. В подъезде пахло старым деревом, мастикой и сыростью. Тишина была гулкой, нарушаемая только звуком их дыхания и стуком дождя по стеклу парадной двери. Они поднялись на широкую лестницу с коваными перилами и сели на ступеньки под большим витражным окном, изображавшим какой-то библейский сюжет. Свет, проходя сквозь цветное стекло, окрашивал их в синие, красные, зелёные пятна. «Кажется, мы застряли», – сказал Иван, глядя на потоки воды за окном. «Не самый плохой вариант, – улыбнулась Анна, прижимаясь к холодной батарее. – У вас есть время, чтобы рассказать историю своей жизни. Начиная с самого начала». Иван засмеялся. «Это долгая

и скучная история». «У меня много времени. И она не может быть скучной, если привела вас на тот мост». Он вздохнул, откинулся назад, упираясь локтями на ступеньку выше. И начал. Рассказал о детстве в академическом городке, об отце-инженере и матери-преподавательнице музыки, о том, как всегда любил разбирать вещи, чтобы понять, как они устроены. О своей первой любви – к звёздам и телескопу, подаренному дедом. О том, как выбрал физику, потому что она давала ответы. Но потом, уже в аспирантуре, понял, что она же задаёт самые сложные вопросы. Рассказал о своей лаборатории, о работе над новыми материалами, которая могла бы изменить мир, но пока что меняла только его график, лишая сна и личной жизни. «Была девушка, – сказал он после паузы, глядя в цветное стекло. – Коллега. Мы думали, что понимаем друг друга, потому что говорим на одном языке – языке формул. Но оказалось, что за этим языком не было ничего общего. Просто два одиноких человека, пытавшихся согреться. Это закончилось тихо, по взаимному согласию. Я ушёл в работу с головой. И так жил, пока не вышел на тот мост». Он замолчал. Его история была прямой, как луч лазера, и так же безжалостно освещала его одиночество. Анна слушала, не перебивая, обняв колени. Потом пришла её очередь. Она говорила о маленьком городке на Волге, о маме-учительнице рисования, которая первой разглядела в ней талант. Об отце, который ушёл, когда ей было пять, оставив после себя только запах табака и чувство недосказанности.

О том, как она с детства сбегала в мир красок и линий, потому что он был более понятным и справедливым. О победе в конкурсе, которая открыла ей дорогу в Петербургскую академию художеств. О бедных, но счастливых студенческих годах в общежитии, о подругах, разъехавшихся по миру, о первых продажах картин, о той горькой и сладкой борьбе за то, чтобы остаться в этом городе, который она полюбила больше родины. «Я боюсь, – призналась она вдруг, и её голос дрогнул. – Боюсь, что однажды проснусь и пойму, что всё, что я могу – это повторять себя. Что во мне кончилось то, что заставляет людей смотреть на мои работы и чувствовать что-то. Что я останусь здесь одна, в этой мастерской, со своими холстами и призраками». Она говорила о своём страхе так же открыто, как он – о своём одиночестве. Иван слушал, и ему хотелось обнять её, защитить от всех призраков, но он понимал, что это её битва, её демоны. Он мог только быть рядом. «А что вы хотите от будущего?» – спросил он. Анна задумалась. «Я хочу, чтобы мои картины висели не только в галереях, но и в домах у людей, и делали их жизнь чуть светлее. Хочу большую выставку. Может быть, даже свою студию, где смогу учить детей. А ещё... – она посмотрела на него, – я хочу перестать бояться». «А вы?» – спросила она. «Я хочу закончить свою работу. И чтобы она принесла пользу. Хочу перестать чувствовать, что я просто винтик в большой машине науки. Хочу... найти то, что будет важнее работы». Он не назвал это «любовью», но слово повисло в воз-

духе между ними, окрашенное светом витража. Дождь за окном стихал. Они сидели в тишине, и эта тишина была полна понимания. Они поделились своими тайнами, обнажили раны. И от этого не стало страшно или неловко. Стало спокойно. Как будто два корабля, долго блуждавшие в тумане, нашли друг друга и теперь могли идти дальше вместе, зная, что у каждого есть своя капитанская рубка, но общий курс. «Дождь кончился», – сказала наконец Анна. За окном между тучами пробивалось солнце, и мокрый асфальт заиграл радужными бликами. Они спустились и вышли на улицу. Воздух был свежим, промытым. Иван взял её руку. «Спасибо, что рассказали», – сказал он. «Спасибо, что выслушали», – ответила она. И они пошли дальше по мокрому блестящему городу, уже не просто как два приятных собеседника, а как два человека, узнавшие глубины друг друга и принявшие их. Это было откровение, которое связало их крепче, чем любая клятва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.